

CSCSTI 18.31.07
UDC 745 + 749
DOI 10.47940/cajas.v6i3.439

«ИКОНОГРАФИКА» ОБРАЗА ДРЕВНЕ- ТЮРКСКОГО ПОЛКОВОДЦА КЮЛЬ-ТЕГИНА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬ- НОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХСТАНА

Малик Муканов¹

¹ Казахская национальная академия искусств
имени Т. К. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Аннотация. В статье проводится искусствоведческий анализ художественно-композиционных особенностей решения образа Кюль-Тегина современными художниками Казахстана. Образ Кюль-Тегина как полководца и легендарной личности начала VIII века нашей эры, посвятившего свою жизнь делу объединения древнетюркских племен в единое государство – Тюркский каганат, вызывает неподдельный интерес у его современных потомков. «Иконографика» портретного образа Кюль-Тегина дошла до нас благодаря археологическим изысканиям, в результате которых на территории современной Монголии ученые обнаружили погребальный комплекс, возведенный в честь древнетюркского полководца. На месте погребального комплекса, помимо многих других исторических артефактов, были найдены так называемые «стела Кюль-Тегина» и «голова Кюль-Тегина». Современным художникам, создающим произведения в жанре исторического портрета, необходимо изучать и привлекать в данный процесс материалы научно-исторические, археологические и этнографические. К сожалению, замечено, что многие художники при работе над портретом конкретной исторической личности слишком увлекаются внешней атрибутикой и не уделяют должного внимания наполнению его образа духовно-сакральным содержанием. Подобные произведения не несут высоких художественных достоинств и характеризуются иллюстративностью сюжетно-композиционного и изобразительного решения.

Необходимо отметить следующую особенность: каждый казахстанский художник, обращаясь к личности легендарного полководца древности, по-своему, в авторском аспекте интерпретирует художественный образ Кюль-Тегина и вносит свою лепту в развитие портретно-исторического жанра в национальном изобразительном искусстве.

Ключевые слова: Кюль-Тегин, образ Кюль-Тегина, «стела Кюль-Тегина», «голова Кюль-Тегина», Тюркский каганат, древнетюркский полководец, военно-прикладная культура номадов, портретно-исторический жанр, искусство Казахстана.

Для цитирования: Муканов, Малик. «Иконографика» образа древнетюркского полководца Кюль-Тегина в изобразительном искусстве Казахстана». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, с. 57–73. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.439.

Введение

С исторического момента обретения Республикой Казахстан независимости на рубеже XX—XXI веков в творческой среде казахстанской интеллигенции возросло неподдельное внимание к национальным истокам, мифотрадициям и этнокультуре древнетюркских цивилизаций номадов Великой Степи. Этот процесс в творчестве современных казахстанских мастеров изобразительного искусства проявился в двух основных тенденциях. Первая из них характеризуется стремлением художников к созданию авторских произведений, отражающих образы, символику и парадигму тенгрианства как целостной системы кочевнического мировоззрения. Данный аспект рассматривается в монографиях и статьях многих казахстанских и зарубежных ученых. Из публикаций последних лет можно отметить статью А. Ж. Сарсенбаевой и А. А. Жубановой «Современное номадическое творчество: художественный язык, ментальность, изобразительные средства», опубликованную в 2020 году в *Central Asian Journal of Art Studies* (79—91). Вторая тенденция проявляется в стремительном развитии жанра портретно-исторической живописи, и, как следствие этого, создается обширная галерея произведений искусств реалистического и декоративно-символического направлений, отражающих авторское видение образов легендарных личностей Великой Степи.

В статье проводится анализ художественно-композиционных особенностей решения образа Кюль-Тегина современными художниками Казахстана. Образ Кюль-Тегина (685—731) как полководца и легендарной личности начала VIII века, посвятившего свою жизнь делу объединения древнетюркских племен в единое государство — Второй

Восточно-Тюркский каганат, вызывает неподдельный интерес у его современных потомков. Каждый казахстанский художник, обращающийся к личности легендарного полководца древности, по-своему, в авторском аспекте интерпретирует художественный образ Кюль-Тегина и вносит свою лепту в развитие портретно-сюжетного исторического жанра национального изобразительного искусства.

Методы

В исследовании на основе искусствоведческого анализа изучаются авторские произведения казахстанских художников, каждый из которых, опираясь в творческой деятельности на персональные духовно-личностные качества, мироощущение, эстетико-философское внутреннее наполнение по-своему реконструирует и отображает образ древнетюркского полководца Кюль-Тегина. Поскольку тема исследования находится в пограничной области истории, искусствоведения, культурологии, философии и даже частично религиоведения, приоритетным методом является герменевтический как наиболее приемлемый для решения поставленных научных вопросов. Приоритетность герменевтики в данном конкретном случае также оправдана интегральной гибкостью этого метода искусствоведческо-философского познания.

Фактологической базой исследования, помимо монографий и статей искусствоведов, культурологов и философов, являются оригиналы, фотографии и репродукции казахстанских художников. Это обусловлено темой научной работы, которая связана с изучением сюжетно-композиционных особенностей решения образа Кюль-Тегина в современной изобразительной культуре Казахстана.

Результаты

Изучение проблем поиска и авторского воплощения художественных образов в портретно-историческом жанре изобразительного искусства Казахстана имеет важную для искусствоведческой науки теоретическую и учебно-методическую значимость.

Искусствоведческие аспекты изучения авторских произведений казахстанских художников, обращающихся к теме художественной реконструкции образов легендарных исторических личностей Казахстана, повлияют на научно-практические результаты, которые будут актуальны и востребованы не только в среде профессиональных художников, но и культурологов, историков и философов.

Научная постановка вопроса, наблюдения и выводы могут быть использованы и продолжены не только в историко-теоретических трудах искусствоведов, культурологов и философов, но и в исследовательских и учебно-методических работах, при создании курсов по истории и теории изобразительного и прикладного искусства, научных проектах профессорско-преподавательского состава, студентов, магистрантов и докторантов, а также в художественной практике и творческой деятельности современных художников.

Дискуссия

Обширные и бескрайние степные пространства Казахстана обусловили кочевой образ жизни народов, населявших его территорию. Уникальность территориального месторасположения — в самом центре Евразийского континента — предопределила богатую историю кочевых цивилизаций, которые создавались объединением родственных

племен, потом распались на отдельные части и вновь, с течением времени, преобразовывались в новые государства на месте прежних, ушедших.

В большинстве древних исторических периодов Казахстана присутствовали легендарные представители из числа воинов, полководцев и каганов, деяния которых дошли до наших времен благодаря трудам различных ученых, путешественников, а также архивным и археологическим источникам. В очень редких случаях, благодаря археологическим изысканиям, до современных потомков древних народов Великой Степи дошли даже реликтовые изображения портретов и других внешних данных легендарных исторических личностей. Одним из таких археологических экспонатов является так называемая «голова Кюль-Тегина», древнетюркского полководца, посвятившего свою жизнь делу объединения племен в единое государство — Второй Восточно-Тюркский каганат (см. *рис. 1*).

Рис. 1. Голова от статуи Кюль-Тегина, найденная в результате археологических изысканий на месте погребального комплекса в честь полководца

«Голова Кюль-Тегина» высечена древним скульптором из голубого мрамора и представляет собой хорошо сохранившуюся часть полноразмерной статуи, обнаруженной в 1958 году совместной чешско-монгольской экспедицией под руководством ученых Н. Сер-Оджавы и Л. Йисла при тщательном и углубленном исследовании погребального комплекса в честь Кюль-Тегина. «Голова Кюль-Тегина» представляет национальное историческое достояние и находится на хранении в Монгольском археологическом институте, г. Улан-Батор. На тюркских форумах нередко возникает полемика о поле этой головы, и существует альтернативное мнение, что голова принадлежит не мужчине, а женщине.

Сам комплекс расположен на берегу реки Орхон в урочище Кошо-Цайдам, примерно в 400 км западнее г. Улан-Батор и в 45 км к северу от древней столицы Монголии г. Каракорум. Впервые погребальный комплекс в честь Кюль-Тегина был открыт экспедицией археологов под руководством Н. М. Ядринцева в 1889 году. Впоследствии на месте комплекса поэтапно было проведено множество археологических изысканий, результаты которых были опубликованы в научных трудах В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского «Древнетюркские

памятники в Кошо-Цайдаме», 1897 г., С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии», 1959 г., С. Г. Кляшторного «История Центральной Азии и памятники рунического письма», 2003 г., Л. Ю. Тугушевой «Тюркские рунические письменные памятники из Монголии», 2008 г.

Центральным элементом архитектурной композиции погребального комплекса является так называемая «стела Кюль-Тегина» (см. рис. 2). Она представляет собой цельновертикальный плитообразный камень из голубого мрамора с размерами 335x135x0,46 см, установленный на скульптурное изваяние гигантской черепахи. Верхняя часть стелы в форме дуги несет изображение трех дерущихся драконов. В треугольной нише главной лицевой части стелы высечено тамгаобразное изображение в виде марала, являющееся транскрипцией символа «каган». Вся каменная поверхность стелы ниже этого символа записана стройными строками рунических надписей на древнетюркском языке, а ее обратная сторона содержит тот же текст на китайском языке. Опираясь на него в процессе дешифровки, в 1893 году ученый-лингвист из Дании В. Томсон открыл ключ к прочтению тюркских надписей, относящихся

к орхоно-енисейской культуре. Тексты посвящены описанию жизнедеятельности Кюль-Тегина и его заслугам в деле укрепления государственности Тюркского каганата. Ученые считают, что рунические надписи воспроизводят поминальную речь в честь Кюль-Тегина, произнесенную его

Рис. 2. Реконструкция погребального комплекса в честь Кюль-Тегина

родным братом и ставленником Бильге-каганом, при правлении которого государство Небесных тюрков достигло максимального процветания.

Столь подробное описание, раскрывающее образ Кюль-Тегина скорее в культурно-историческом ракурсе, чем в искусствоведческом, объясняется желанием подчеркнуть, насколько важно современным художникам при работе над созданием произведений портретно-исторического жанра изучать научные материалы, несущие достоверную информацию о конкретной личности, эпохе его жизни и деятельности, этнокультурных особенностях того времени и мировоззрении и т. д. Такой профессиональный подход со стороны художников в деле создания художественного образа исторической личности также подчеркивает ученый-историк И. А. Абрамкин в статье «Об истории изучения портрета: вопросы историографии и перспективы исследования» (6–12).

Каждая казахская семья бережно хранит, гордится и почитает историю своего рода. Тот же обычай поклонения истории предков, но в национальных масштабах этноса, характерен для традиционной казахской этнокультуры, и в нем зачастую происходят закономерные процессы «иконизации» той или иной исторической личности. Эта особенность объясняется присутствием в общественном мировоззрении кочевых культур поклонения воинской чести и доблести. Ведь издревле для общественного социума кочевых цивилизаций Евразии историческая роль в созидании государственности известными воинскими подвигами батыра была не менее важна, чем роль хана, правящего народом.

Кочевой народ, опираясь на законы и правила степной демократии, за выдающиеся заслуги выделял из своих рядов героев и превращал

их в общественный идеал, иными словами, в «лицо нации». Вот что отмечает казахстанский ученый З. Н. Сарсенбаева в своей монографии «Этнос и ценности», переизданной в 2018 году: «Пожалуй, выражение “лицо нации” олицетворяет... тот склад мышления, поведения, речи, пения, который в идеале персонифицирует лучших сыновей и дочерей нации. Традиционные ценности и отношения составляют суть национального характера. Наши предки призывали не потерять своего имени, сохранить чувство высокой гордости за свой народ, за его традиции и ценности» (269).

Романтизация образов легендарных исторических личностей Великой Степи, воспевание их мужества и чести, идеализация их свершений современными потомками привели к развитию в изобразительной культуре Казахстана такого явления, как «Туранский романтизм». Более глубинные причины возникновения этого явления рассматривает казахстанский искусствовед Жанарбек Беристенов в научном исследовании «Стиль «Туранского романтизма» — своеобразное развитие национального искусства», опубликованном в 2018 году в вестнике Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова «Central Asian Journal of Art Studies» (Беристенов 24).

В лучших традициях жанра исторического портрета в 2003 году известный казахстанский художник Досбол Касымов создает произведение под названием «Кюль-Тегин» (150x170 см) (см. рис. 3), в котором живописно-композиционными средствами раскрывает возвышенно-лиричный и одухотворенный образ полководца, посвятившего свою жизнь делу объединения древних степных кочевых племен в единое государство — Второй Восточно-Тюркский каганат.

Рис. 3. Досбол Касымов. Кюль-Тегин. 2003.
150x170. Холст, масло

Зрители, знакомые с творчеством современных художников Казахстана, даже при беглом взгляде на картину сразу просчитают авторский живописный почерк Досбола Касымова. Высокие художественно-композиционные достоинства данного произведения во многих смыслах возводят его в своеобразный эстетический эталон для других казахстанских художников, работающих в жанре исторического портрета.

В картине фигура Кюль-Тегина, величаво восседающего на коне и облаченного в боевые доспехи, занимает практически весь формат живописного полотна. Его конь, так же как и всадник, защищенный пластинчатым грудным доспехом, склонив голову в полупоклоне налево, наступает прямо на зрителя. Автор сознательно форматом картины обрезает фигуры персонажей по верхней линии прямо над головой Кюль-Тегина, а по нижней — посередине груди коня. Прибегая к такому композиционному приему макроэффекта, когда изображение, словно в окуляре бинокля, искусственно приближается к зрителю, художник достигает в произведении состояния мгновенной запечатленности, словно полководец был запечатлен объективом фотоаппарата. Данное

художественное решение, безусловно, обогащает и усиливает эмоционально-визуальное восприятие живописной картины. Из других достоинств картины — это полное отсутствие какой-либо иллюстративности в изобразительном решении художественного образа главного персонажа и суровая, сдержанная серебристо-синяя цветовая гамма, которая вкупе с живописным эффектом тумана, обволакивающего фигуру всадника на коне, одновременно романтизирует образ Кюль-Тегина и наделяет его как героическим, так и архаическим содержанием.

Можно отдельно отметить высокое профессиональное мастерство Д. Касымова в умении найти наилучший изобразительный ракурс при подаче главного персонажа своей картины зрителю, а также монументальную выразительность в повороте головы коня, жестов рук и общей позы Кюль-Тегина. Привлекая один из известных приемов монументальной живописи — понижение зрительной линии горизонта, художник одухотворяет образ полководца, который словно воспаряет в воздухе и величественно предстает перед нами.

Портрету исторической личности, как изобразительному направлению в живописи, скульптуре и графике характерны определенные жанровые каноны. Одним из главных канонов является героизация и романтизация художественного образа отображаемой исторической личности. И если романтизация образа соотносится с общей канвой или, скажем, атмосферой повествования произведения, то героизация чаще всего выражается в придании персонажу пафосно-величественных поз. То есть художники, опираясь на упомянутый ранее жанровый канон, чрезмерно героизируют персонажа, возводя пафосность и событийность в некий сюжетно-изобразительный абсолют. В таком произведении, когда пустота внутреннего

персонального содержания изображаемой исторической личности совершенно не соответствует ее внешней пафосности, образ последнего наделяется карикатурными качествами. Он словно анимационный персонаж, пусть даже изобразительно стилизованный и сверх меры утрированный в проявлении внешней пластики поз, жестов и движений, который искусственным путем пытается втиснуться в жанровые рамки документального кино. И отдельно отметим — такое несоответствие в решении образа исторической личности еще более объемно проявляется, если произведение художника иллюстративно и лишено монументально-изобразительных качеств.

При работе над портретом и головным убором главного героя художник обращался к изображению известного археологического артефакта, так называемой «голове Кюль-Тегина». На живописном полотне Д. Касымов головной убор Кюль-Тегина интерпретирует в качестве боевого шлема, хотя таковым он по своему назначению не являлся и представлял собой торжественно-парадный элемент одежды. Об этом упоминает советский ученый В. Д. Кубарев в книге «Древнетюркские изваяния Алтая»: «...сфероконический шлем с втулкой для плюмажа был известен не только у древних племен домонгольской эпохи, но и применялся как средневековый парадный элемент одежды у многих кочевых народов Центральной и Средней Азии...» (Кубарев 71). Здесь необходимо отметить, что выявленное несоответствие назначения головного убора никак не дискредитирует творческое решение автора анализируемого нами произведения — это всего лишь уточнение. Тем более что художник в изображении деталей черт лица и внешних элементов головного убора старается не отходить от первоисточника — мраморной головы Кюль-Тегина.

Этим он еще раз подчеркивает как хрестоматийность внешнего облика древнетюркского полководца, дошедшего до нас в результате археологических изысканий, так и первостепенную важность работы художника с археологическими реликтами при создании художественного образа исторической личности.

В живописной картине Д. Касымова центральная, можно даже сказать, лобная часть шлема, как и в мраморном изваянии головы Кюль-Тегина, украшена стилизованным изображением сакральной для тюркской культуры птицы Самрук. Но существуют разные толкования изображенной птицы. Ее симметрично распластанные крылья напоминают элементы известного казахского орнамента кошкар муйиз. Портретное же сходство с оригиналом неоспоримо, но с одной лишь оговоркой — в проработке общих черт и деталей лица Кюль-Тегина, наполнением его портрета глубоким психологическим и духовным содержанием Досбол Касымов, конечно, превзошел художника древнего мира.

Гордо вскинутая голова древнетюркского полководца, обрамленная величественным силуэтом головного убора, посажена на могучую шею, а его взгляд устремлен прямо на зрителя. В типично восточном разрезе глаз Кюль-Тегина художник не изображает зрачков. Вследствие этой портретной особенности вспоминается строка из поэмы «Земля, поклонись человеку!» казахского поэта, писателя-литературоведа и общественного деятеля Олжаса Сулейменова: «Мы смотрели на мир сквозь бойницы глаз...» Поэму О. Сулейменов написал в апреле 1961 года и посвятил полету Юрия Гагарина — первого человека в космосе. «Мы смотрели на мир сквозь бойницы глаз...» — поэтичная аллегоричность приведенной строки не только наполняет сакральным смыслом предложенный

Д. Касымовым художественный образ одухотворенного и устремленного вперед полководца, но и отождествляет его с личным мужеством и стойкостью человека, способного преодолевать страх перед лицом неизвестного и вести за собой соратников. Здесь можно упомянуть интересный факт: в 2013 году известный казахстанский культуролог, сценарист и журналист-аналитик Зира Наурызбаева с согласия Досбола Касымова использовала изображение картины «Кюль-Тегин» в художественном оформлении своей книги «Вечное небо казахов».

Отметим профессиональные качества художника в умении точно находить выразительные жесты рук главного персонажа композиции и начнем с анализа правой руки Кюль-Тегина. Она, как и голова коня с изогнутой шеей, подается зрителю в монументальном ракурсе и при этом сжимает рукоять акинака — традиционного оружия скифо-сакских кочевых народов Евразии, имеющего относительно короткое (60–80 см) обоюдоострое лезвие, сужающееся к острию в форме треугольника. Интересно, как художник преподносит кистевой хват на акинаке — рука не сжимает его традиционно, как принято держать колющее или режущее оружие ближнего боя, а обхватывает его рукоять сверху. Вследствие этого художественного решения гарда акинака и лезвие смотрятся продолжением руки Кюль-Тегина, а ее жест наполняется выразительно-повелительным содержанием. Подобные мелочи, пусть даже и в жесте руки, безусловно, в целом обогащают сюжетно-изобразительный ряд живописного произведения.

Левая рука Кюль-Тегина согнута в локте и держит железную маску, представляющую собой разновидность забрала, защищающего лицо в бою и прикрепляемого к шлему. Маска, как и доспехи полководца, богато

декорирована орнаментом и имеет прорези в виде человеческих глаз, а в ее решении использованы стилизованные портретные элементы степных балбалов (см. *рис. 4*). Об использовании такого вида забрала — с имитацией человеческого лица — в военно-прикладной культуре древних и средневековых кочевых народов Евразии упоминается в многочисленных реконструкциях и научных работах российского и советского востоковеда, исследователя истории оружия М. В. Горелика (1946–2015). Также об этом виде вооружения упоминается в книге «Этнография традиционного вооружения казахов» казахстанского ученого, художника, этнографа-оружиеведа К. С. Ахметжанова.

Золотоордынский конный латник XIV в.
Реконструкция М.В. Горелика

Рис. 4. М. В. Горелик. Реконструкция вооружения золотоордынского конного латника

Одним из достоинств картины Д. Касымова «Кюль-Тегин» является скрупулезная живописная проработка мельчайших деталей портрета, боевого облачения, оружия полководца

и конской сбруи его коня. При такой высокой детализации художник их не выделяет, и каждая из них подчинена единому изобразительному знаменателю и общей повествовательной канве произведения. Такое возможно лишь при условии, если художник понимает, какую конкретную изобразительно-художественную задачу он решает при создании живописного произведения.

В завершение анализа живописной картины Досбола Касымова «Кюль-Тегин» отметим высокое профессиональное мастерство художника и безусловное умение решать поставленные творческие задачи, что в целом позволило ему создать произведение, обладающее высокими художественными достоинствами и раскрывающее перед зрителем образ легендарного древнетюркского полководца, посвятившего свою жизнь делу объединения древних степных кочевых племен в единое государство — Второй Восточно-Тюркский каганат.

Еще одним из казахстанских художников, обратившимся в своем творчестве к художественному образу Кюль-Тегина и создавшим графический лист под одноименным названием, является Алибек Койлакаев. Он родился и вырос в Дагестане, высшее художественное образование получил в Государственном университете культуры и искусства при Академии художеств в г. Краснодаре. В 2013 году переехал в Казахстан, живет и работает в г. Нур-Султане. Себя Алибек позиционирует самобытным ногайским художником и создает графические листы, в которых обращается к мифологическим и историко-этнографическим темам народов России и Средней Азии.

Портретное изображение Кюль-Тегина в графическом листе Алибека Койлакаева занимает практически всю центральную часть произведения (см. *рис. 5*), но при этом все равно

возникает ощущение, что это всего лишь визуально приближенный фрагмент большей по размеру картины. Произведению, конечно, присуща иллюстративность, но данный аспект вполне оправдан особенностями этого вида искусства. А. Койлакаев, так же как и Д. Касымов, обращается к известному археологическому артефакту — мраморной «голове Кюль-Тегина» и портрет полководца, его шлем, нагрудные и наплечные доспехи решает в монументальном изобразительном ключе.

Рис. 5. Алибек Койлакаев. Кюль-Тегин. Графика

Черты лица Кюль-Тегина изображены автором довольно брутально — они словно высечены скульптурным резцом из гранита. Подчеркивая его военную профессию, лицо покрыто многочисленными шрамами, и даже на боевых доспехах, богато инкрустированных заклепками, стилизованными изображениями крылатых барсов и птицы, можно разглядеть трещины и сколы. Такие достоверные подробности, конечно, обогащают визуальный ряд произведения, в некотором смысле документируя

портрет Кюль-Тегина и одновременно придавая всему повествованию произведения оттенок сакральной архаичности. За спиной главного героя — в верхней части графического листа — автор изображает фрагмент стелы из погребального комплекса в честь Кюль-Тегина, который весь покрыт бесконечной вязью рунических надписей и глубокими сколами.

Цветовая гамма произведения монохромная, что вполне объясняется изобразительными особенностями искусства графики. В ней доминируют терракотово-коричневые и черно-коричневые оттенки. Обращаясь к цвету обожженной глины, А. Койлакаев, скорее всего, хотел достичь изобразительного эффекта старины — «патины времени». И в этом конкретном случае такое художественное решение оправдывается сюжетно-исторической тематикой анализируемого произведения.

Рассматривая и анализируя сюжетно-изобразительные качества графического листа А. Койлакаева «Кюль-Тегин», можно сделать вывод: несмотря на примененную автором монументальность подачи персонажа, иллюстративного в нем все же больше. В чем это выражается? Во-первых, в том, что в работе не распределены визуальные приоритеты. Так, крылатый барс, расположенный на правой грудной пластине боевого доспеха, и птица Самрук, украшающая шлем, из-за чрезмерной изобразительной проработки слишком акцентируют на себе внимание и отвлекают от главного — портрета полководца. В произведении второстепенные детали не подчинены художником единому замыслу — отобразить образ легендарной исторической личности. Во-вторых, портрет самого Кюль-Тегина изобразительно слишком утрирован. Понятно, что автор хотел наделить лицо полководца суровым и мужественным видом, но его чрезмерная «раздутость»

и не найденные масштабные пропорции по соотношению к размерам шлема (а он, как обруч, буквально стискивает голову героя), заставляют на подсознательном уровне воспринимать образ Кюль-Тегина иронично, в качестве анимационного персонажа. Здесь нужно оговориться, что если мы рассмотрим другие графические произведения А. Койлакаева на схожую историко-этнографическую тематику, то убедимся: подобная анимационная «фэнтезийность» характерна всему творчеству самобытного художника (см. *рис. 6*). Тогда вполне ожидаемо, что и в этот раз, обращаясь к образу Кюль-Тегина, художник не изменил своим изобразительно-эстетическим идеалам.

Рис. 6. Алибек Койлакаев. Едиге. Графика

В завершение искусствоведческого анализа произведения А. Койлакаева «Кюль-Тегин» отметим, что, несмотря на некоторую фэнтезийность изобразительного языка, данная работа создана по канонам авторской книжной иллюстрации. И в этом случае нужно отметить высокий художественный

потенциал произведения, в котором Алибек Койлакаев, привлекая самобытный иллюстративный почерк, доносит до зрителя свое прочтение образа легендарного древнетюркского полководца.

Мастер художественного текстиля Зейнелхан Мухамеджан, работающий в технике казахской традиционной вышивки — кесте, создавая в 2010 году свое произведение под названием «Кюль-Тегин» (70x74 см) (см. рис. 7), также обращается к материалам археологических изысканий, проведенных на месторасположении погребального комплекса в честь древнетюркского полководца. Здесь нужно сразу уточнить важный момент — в художественном решении образа Кюль-Тегина З. Мухамеджан привлекает не реалистический язык изображения, а декоративно-символический, что вполне оправдывается художественно-эстетическими канонами декоративно-прикладного искусства.

Ажурный светлый силуэт фигуры Кюль-Тегина, занимающей все центральное поле кесте, изображен автором в восседающей по-восточному позе. Он сидит на спинном панцире большой черепахи, не уступающей ему по размерам. В так называемой «стеле Кюль-Тегина» скульптурная черепаха является одновременно ее фундаментом и основанием. Левая рука главного персонажа произведения в уверенной мужской позе покоится на колене. Правая же рука, вознесясь к голове, крепко сжимает древко короткого копья, на навершии которого располагается стилизованная голова волка. От нее идет волна развевающихся бунчуков — переплетенных между собой длинных косичек конского волоса, используемых для украшения оружия, знамен и шлемов в военно-прикладной культуре тюркских народов. В изображении головы волка, несмотря на ее стилизованное решение, хорошо угадывается авторская

реконструкция навершия тюркского знамени, созданная российским и советским востоковедом, исследователем истории оружия М. В. Гореликом.

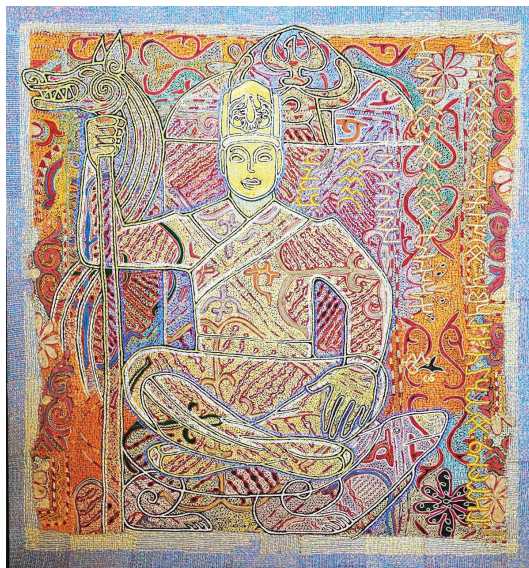

Рис. 7. Зейнелхан Мухамеджан. Кюль-Тегин. 2010. 70x74. Шелк, кесте, ручная вышивка

Портрет Кюль-Тегина с восточными чертами лица, обрамленного «фирменным» головным убором, является как сюжетно-смысловым, так и визуальным центром композиции, поскольку художник сознательно их выделяет более светлыми тонами ручной вышивки по отношению к окружению. Вся изобразительная плоскость кесте, словно арабесковой вязью, многослойно наложенной друг на друга, украшена разномасштабными элементами традиционного казахского орнамента и буквами рунических надписей, создающих впечатление, что зритель созерцает высокоорганизованный супрематический хаос. В нем достаточно отчетливо и ясно проступает и фигура самого Кюль-Тегина, и его узнаваемый по археологическому первоисточнику портрет.

Единого доминирующего цвета в колористической гамме произведения З. Мухамеджана нет. Изобразительная поверхность кесте буквально вибрирует буйством цветосочетаний холодных

и теплых оттенков и, разумеется, тактильностью фактуры вышивки, созданной ручным способом. Но можно выделить легкий колористический акцент автора на светло-ультрамариновый и небесно-голубые цвета, которые считаются сакральными в тюркской культуре, поскольку символизируют Тенгри и Вечное Синее небо.

Зейнелхану Мухамеджану удалось создать, хоть и небольшое по размерам, камерное произведение декоративного искусства с гармоничным по композиции и колориту решением, раскрывающее перед зрителем авторскую интерпретацию художественного образа легендарного полководца древности Кюль-Тегина. Будучи ограниченным рамками декоративно-символического языка, художник смог наполнить образ Кюль-Тегина как сакральным содержанием, так и внешними проявлениями личностных качеств — стойкости, мудрости, мужества и благородства.

Заключение

В завершение, подводя итоги искусствоведческого анализа художественно-композиционных особенностей решения образа Кюль-Тегина современными художниками Казахстана, отметим несколько выводов: образ Кюль-Тегина как полководца и легендарной личности начала VIII века нашей эры, посвятившего свою жизнь делу объединения древнетюркских племен в единое государство — Тюркский каганат, вызывает неподдельный интерес у его современных потомков. «Туранский

романтизм» — это эмоционально-возвышенное настроение, свойственное большинству авторских произведений, посвященных образу Кюль-Тегина. Это явление проистекает от желания авторов, являющихся потомками изображаемых ими исторических личностей Великой Степи, возвышать и романтизировать образы легендарных батыров, каганов и воителей. Художникам, работающим в портретно-историческом жанре изобразительного искусства, как, впрочем, искусств литературы, кино и теледраматургии и др., чтобы наполнять портретные образы реально существовавших исторических персонажей не только внешним сходством, но и сакрально-личностным содержанием, необходимо глубоко изучать и привлекать материалы архивно-исторического, культурно-этнографического и археологического характера.

При таком комплексном и вдумчивом подходе возможно создание произведений, обладающих высокохудожественными достоинствами, профессионально стоящих выше «шаблонных» и иллюстративно-фэнтезийных работ, последние из которых больше относятся к мифологическому жанру, чем к портретно-историческому. И все же каждый казахстанский художник, обращаясь к личности легендарного полководца древности, по-своему, в авторском аспекте интерпретирует художественный образ Кюль-Тегина и вносит свою лепту в развитие портретно-исторического жанра национального изобразительного искусства.

Список источников

- Абрамкин, Иван. «Об истории изучения портрета: вопросы историографии и перспективы исследования». *Артикульт. Вестник факультета истории и искусства МГУ*, № 14 (2), 2014, с. 6–9, [articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/014/ARTICULT-14_\(2-2014,P6-12\)-Abramkin.pdf](http://articult.rsuh.ru/upload/articult/journal_content/014/ARTICULT-14_(2-2014,P6-12)-Abramkin.pdf). Дата доступа 18 мая 2021.
- Ахметжан, Калиолла. *Этнография традиционного вооружения казахов*. Алматы, Алматыкітап, 2007.
- Беристен, Жанарбек. «Стиль “Туранского романтизма” – своеобразное развитие национального искусства». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 3, № 3, 2018, с. 24–30, www.cajas.kz/journal/article/view/156/137. Дата доступа 17 мая 2021.
- «Волчглавое знамя – символ Тюркской Государственности». *Казакская Орда*, www.facebook.com/QazaqOrda/photos/a.133053730185910/261915027299779. Дата доступа 09 сентября 2019.
- Гавритухин, Игорь. «Кюль-тегина стела». *Большая российская энциклопедия*, www.bigenc.ru/archeology/text/2127212. Дата доступа 11 апреля 2021.
- Горелик, Михаил. *Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV век до н. э.* Издание 2-е, доп., Санкт-Петербург, Атлант, 2003.
- Кляшторный, Сергей. *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. Москва, Наука, 2003.
- Кубарев, Владимир. *Древнетюркские изваяния Алтая*. Новосибирск, Наука, 1984.
- Малов, Сергей. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. Москва, Наука, 1959.
- Радлов, Василий и Платон Мелиоранский. *Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме*. Санкт-Петербург, 1879.
- Сарсенбаева, Аида и Айнаш Жубанова. «Современное номадическое творчество: художественный язык, ментальность, изобразительные средства». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 5, № 1, 2020, с. 79–91, www.cajas.kz/journal/article/view/239. Дата доступа 10 мая 2021.
- Сарсенбаева, Зира. *Этнос и ценности*. Издание 2-е, перераб. и доп. Алматы, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2018.
- Тугельбаева, Айжан. «Книга “Вечное небо казахов” расскажет об истоках духовного наследия». *Tengrinews*, 12 ноября 2013, www.tengrinews.kz/books/kniga-vechnoe-nebo-kazahov-rasskajet-istokah-duhovnogo-245351/. Дата доступа 20 мая 2021.
- Тугушева, Лилия. *Тюркские рунические письменные памятники из Монголии*. Москва, ИНСАН, 2008.
- «Художник Алибек Койлакаев». *Официальный сайт художника-графика Алибека Койлакаева*, www.painter-alibek.ru/ru/avtor. Дата доступа 25 апреля 2018.

References

Abramkin, Ivan A. "Ob istorii izucheniya portreta: voprosy istoriografii i perspektivi issledovaniya." ["On the history of the study of portrait: issues of historiography and research prospects"]. *Artikult. Bulletin of the History and Art faculty at the Moscow State University*. Moscow, no. 14 (2), 2014, pp. 6–9, [artikult.rsuh.ru/upload/artikult/journal_content/014/ARTICULT-14_\(2-2014,P6-12\)-Abramkin.pdf](http://artikult.rsuh.ru/upload/artikult/journal_content/014/ARTICULT-14_(2-2014,P6-12)-Abramkin.pdf). Accessed 18 May 2021. (In Russian)

Ahmetjan, Kaliulla S. *Etnografyia tradicionnogo voorujeniya kazakhov. [Ethnography of traditional weapons of Kazakhs]*. Almaty, Almaty kitap, 2007. (In Russian)

Beristen, Zhanarbek. "Stil 'Turanskogo romantizma' – svoeobraznoe razvitie nacionalnogo iskusstva." ["The style of 'Turanian romanticism' is a kind of development of national art."]. *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 3, no. 3, 2018, pp. 24–30, www.cajas.kz/journal/article/view/156/137. Accessed 17 May 2021. (In Kazakh)

Gavrituhin, Igor'. "Kultegina stella" ["Kultegin Stele"]. *Big Russian Encyclopedia*, www.bigenc.ru/archeology/text/2127212. Accessed April 11, 2016. (In Russian)

Gorelik, Mikhail. *Orujie Drevnego Vostoka. IV tysiacheletie – IV vek do n. e. izd. 2-e, dop. [Weapons of the Ancient East. 4th millennium – 4th century BC. 2nd ed., extended]*. Saint Petersburg, Atlant, 2003. (In Russian)

"Khudozhnik Alibek Koilakayev." ["Artist Alibek Koilakayev."]. *Official website of graphic artist Alibek Koilakayev*, www.painter-alibek.ru/ru/avtor. Accessed 25 April 2018. (In Russian)

Klyashtorny, Sergey. *Istoriya Centralnoy Azii i pamytniki runicheskogo pis'ma. [History of Central Asia and monuments of runic writing]*. Moscow, Nauka, 2003. (In Russian)

Kubarev, Vladimir. *Drevnetyrkskie izvayanya Altaia. [Ancient Turkic sculptures of Altai]*. Novosibirsk, Nauka, 1984. (In Russian)

Malov, Sergey. *Pamyatniki drevnetyrkskoy pismennosti Mongolii i Kirgizii. [Monuments of ancient Turkic writing in Mongolia and Kyrgyzstan]*. Moscow, Nauka, 1959. (In Russian)

Radloff, Vasilii and Platon Melioranskii. *Drevnetyrkskie pamytniki v Kosho-Caydame. [Ancient Turkic monuments in Kosho-Tsaidam]*. Saint Petersburg, 1879. (In Russian)

Sarsenbayeva, Aida and Ainash Zhubanova. "Sovremenoe nomadicheskoe tvorchestvo: hudozhestveniy yazik, mentalnost, izobrazitelniye sredstva." ["Contemporary nomadic creativity: artistic language, mentality, visual means."] *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 5, iss. 1, 2020, pp. 79–91, www.cajas.kz/journal/article/view/239. Assessed 10 May 2021 (In Russian)

Sarsenbayeva, Zira N. *Etnos i cennosty. 2-e izd., pererab. i dop. [Ethnicity and values. 2nd edition, revised and extended]*. Almaty, Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2018. (In Russian)

Tugel'baeva, Aizhan. "Kniga Vechnoe nebo kazahov rasskazhet ob istokakh duhovnogo naslediiia." ["The book Eternal Heaven of Kazakhs will tell about the origins of the spiritual heritage."] *Tengrinews*, www.tengrinews.kz/books/kniga-vechnoe-nebo-kazahov-rasskajet-istokah-duhovnogo-245351/. Accessed 20 May 2021 (In Russian)

Tugusheva, Liliya. *Tyrkskie runicheskie pismennye pamytniki iz Mongolii [Türkcic runic written monuments from Mongolia]*. Novosibisk, 2008. (In Russian)

"Volcheglavoe znamya – simvol Tyurkskoi Gosudarstvennosti." ["The wolf-headed banner is a symbol of the Turkic Statehood."] *Kazakh Horde*, www.facebook.com/QazaqOrda/photos/a.133053730185910/261915027299779. Accessed 09 September 2019. (In Russian)

Мәлік Мұқанов

Т. Қ. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы
(Алматы, Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАННЫҢ БЕЙНЕЛЕУ ӨНЕРİNДЕГІ КӨНЕ ТҮРІК ҚОЛБАСШЫСЫ КҮЛТЕГІН БЕЙНЕСІНІҢ «ИКОНОГРАФИЯСЫ»

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның қазіргі суретшілерінің Күлтегін бейнесін шешудегі көркемдік-композициялық ерекшеліктеріне өнертанушылық талдау жүргізіледі. Өз өмірін ежелгі түркі тайпаларын біртұтас мемлекет – Түрік қағанатына біріктіру ісіне арнаған қолбасшы және біздің дәуіріміздің VIII ғасырының басындағы аты аңызға айналған тұлға ретіндегі Күлтегін бейнесі оның қазіргі ұрпақтарының шынайы қызығушылығын тудырады. Күлтегіннің портреттік бейнесінің «иконографиясы» бізге археологиялық зерттеулердің арқасында келді, нәтижесінде қазіргі Моңғолия аумағында ғалымдар ежелгі түрік қолбасшысының құрметіне салынған жерлеу кешенін тапты. Жерлеу кешенінің орнында көптеген басқа тарихи артефактілерден басқа «Күлтегін стеласы» және «Күлтегін басы» деп аталатын жәдігерлер табылды. Тарихи портрет жанрында шығармалар жасайтын қазіргі заманғы суретшілер ғылыми-тарихи, археологиялық және этнографиялық материалдарды зерттеп, осы процеске тартуы керек. Өкінішке орай, көптеген суретшілер белгілі бір тарихи тұлғаның портретін жасау кезінде сыртқы параферналияны тым қатты ұнатады және оның бейнесін рухани және қасиетті мазмұнмен толтыруға мән бермейді. Мұндай жұмыстар жоғары көркемдік құндылыққа ие емес және сюжеттік-композициялық және бейнелеу шешімдерінің иллюстрациясымен сипатталады.

Ежелгі заманның аты аңызға айналған қолбасшысының тұлғасына бет бұрған әрбір қазақстандық суретші өзінше, авторлық аспектіде Күлтегіннің көркем бейнесін түсіндіреді және ұлттық бейнелеу өнеріндегі портреттік-тарихи жанрдың дамуына өз үлесін қосады.

Тірек сөздер: Күлтегін, Күлтегін бейнесі, «Күлтегін стеласы», «Күлтегін басы», Түркі қағанаты, ежелгі түркі қолбасшысы, көшпенділердің әскери-қолданбалы мәдениеті, портреттік-тарихи жанр, Қазақстан өнері.

Дәйексөз үшін: Мұқанов, Мәлік. «Қазақстанның бейнелеу өнеріндегі көне түрік қолбасшысы Күлтегін бейнесінің “иконографиясы”». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, 57–73 б. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.439.

Malik Mukanov

T. K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts
(Almaty, Kazakhstan)

THE “ICONOGRAPHY” OF THE PORTRAIT IMAGE OF ANCIENT TURKIC MILITARY LEADER KULTEGIN THROUGH THE MODERN VISUAL ART OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article provides a review of art and compositional solutions of Kultegin features by modern artists of Kazakhstan. The imagery of Kultegin as a military leader and iconic figure from the beginning of the 8th century AD, who devoted his entire life to unite ancient Turkic tribes into a single state, the Turkic Khaganate, sparks genuine interest among his contemporary descendants. The “iconography” of the portrait image of Kultegin has come down to us thanks to archaeological research, as a result of which, on the territory of modern Mongolia, scientists have discovered a burial complex erected in honor of the ancient Turkic commander. At the site of the burial complex, in addition to many other historical artifacts, the so-called “Kultegin stele” and “Kultegin head” were found. Contemporary artists creating works in the genre of historical portraiture need to study and involve in this process materials of scientific, historical, archaeological and ethnographic material. Unfortunately, it has been noticed that many artists, when working on a portrait of a specific historical figure, are too carried away by external attributes and do not pay due attention to filling his image with spiritual and sacred content. Such works do not have high artistic merit and are characterized by illustrative plot-compositional and pictorial solutions.

In conclusion, it is necessary to note this peculiarity: every Kazakhstani artist who addresses the personality of the legendary military leader of antiquity interprets the artistic image of Kultegin in his own way in the author’s aspect and contributes to the development of the portrait-historical genre in the national fine arts.

Keywords: Kultegin, Kultegin as a historical person, Kultegin imagery, the Turkic Khaganate, the ancient Turkic commander, military-applied culture of the ancient Turkic peoples, modern fine art of Kazakhstan.

Cite: Mukanov, Malik. “The ‘iconography’ of the portrait image of ancient Turkic military leader Kultegin through the modern visual art of Kazakhstan”. *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 57–73. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.439.

Автор туралы мәлімет:

Мәлік Флоберұлы Мұқанов — PhD, Т. Қ. Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық өнер академиясы бейнелеу өнері кафедрасының доценті (Алматы, Қазақстан)

Сведения об авторе:

Малик Флоберович Муканов — PhD, доцент кафедры изящных искусств Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Author's bio:

Malik F. Mukanov — PhD in Art History, Associate Professor, Fine Arts Department, T. K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan)